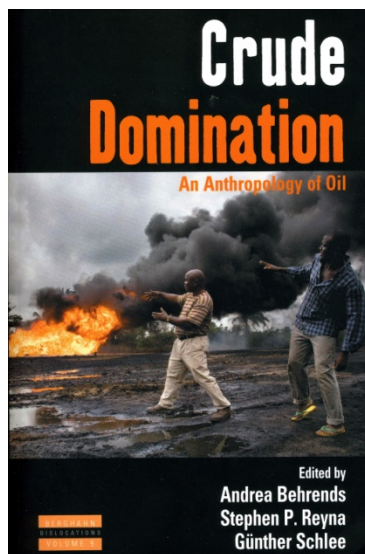

РЕЦЕНЗИИ

Behrends Andrea, Reyna Stephen P., and Günther Schlee (eds.) *Crude Domination. An Anthropology of Oil*. Berghahn Books, New York, Oxford, 2011. vii, 325 p. ISBN 978-0-85745-255-9. (Миськова Е.В.)

Рецензируемая коллективная монография вышла в свет в 2011 г. по инициативе и под редакцией Андреа Берендс, Стивена П. Рейны и Гюнтера Шлее – исследователей, объединенных той или иной формой сотрудничества с Институтом социальной антропологии Общества Макса Планка в Галле. В г. Галле много лет большое внимание уделяется исследованию антропологии экономических и политических конфликтов, в основе которых лежит проблема исключения разных аборигенных групп из процесса извлечения и распределения ресурсной ренты.

Коллективная монография вышла под названием «Грубое доминирование. Антропология нефти». Понятие «грубое» («сырое») отсылает к словосочетанию «сырая нефть». Нефть и все, что связано с ее разведкой, добычей, продажей, распределением доходов от добычи и продажи, идеологией ее как важнейшего экономически ресурса, как символического ресурса в национальном строительстве, как причины социальных конфликтов разного уровня, – таков предмет исследования. «Грубое доминирование» для авторов монографии – это не просто «власть», не только «превосходство» и не совсем «угнетение». Это своеобразное условие человеческого существования на определенных территориях и в рамках конкретных политических режимов и социальных организаций, поэтому они предлагают посмотреть на «нефть» как на реальность *sui generis*. Что это за модус человеческого взаимодей-

ствия, и по какой причине он выявляет остро конфликтную сторону этого взаимодействия?

Антропологи сетуют, что они упустили время, когда исследователи в других дисциплинах разрабатывали теории ресурсного проклятия. Ключевой концепт инодисциплинарного анализа – «нефтяное проклятие» как вариация ресурсного проклятия в целом. С помощью этого понятия описывается ситуация с эксплуатацией избыточного природного ресурса – от добычи серебра в Испании XVI в. до современной добычи природных ископаемых, при которой развивается так называемая голландская болезнь: государства превращаются в рантье, сосредоточенных на извлечении и перераспределении природной ренты и пренебрегающих ради этой цели развитием всех остальных средств производства. Нефтяное проклятие сопровождается высоким уровнем вражды и конфликта, потому что избыточные ресурсы обеспечивают возможностями и жадой контроля над ними. Политологи объясняют особенности политических институтов, формирующихся в процессе борьбы за ренту: в погоне за нею объединяются интересы властных и частных групп, а индивиды, организации и компании получают деньги в процессе манипулирования политическим или экономическим окружением, а не в результате производственной или торговой активности как таковой. Среди политологов распространена теория неопатримониального государства (neopatrimonialism), особенно в связи с современными африканскими нефтегосударствами (petro-states), когда институты власти присваиваются формальными функционерами, политиками и силовиками, чье господство основывается на приватизации *res publica* и которые действуют так, как будто государство – их вотчина (patrimony).

Квинтэссенция концепции ресурсного подхода в констатации «безумности», нерациональности этого проклятия: изобилие, которое должно вести к благу и процветанию, приносит вред, вражду и разложение институтов, складывание авторитарных политических режимов. То есть ресурс влияет на социальные отношения и действия таким образом, что помещает этот конфликт в разряд безумных, необъяснимых. Саму нефть многие из участников игры-битвы за нефтяную ренту в глаза не видели, и ее ценность в качестве сырого продукта для них не очевидна и непонятна. Но на выходе вместе с сырым продуктом проявляется такая же «грубая» власть, доминирование в чистом виде, приводящее к самому непосредственному использованию и регулированию жизни подчиненных групп и часто войне всех против всех.

И вот здесь антропологи говорят: стоп, про безумие – это к нам! Это как раз та особенность человеческой экзистенции, которая давно и живо нас интересует, и нам есть что об этом сказать. Если речь идет об иррациональности поведения групп, то в социальных науках давно подмечено, что это, как правило, мнимая иррациональность, маркирующая место

группы в системе доминирования-подчинения, а также характеризующая выбираемый группой способ сопротивления доминированию. В этом ключе авторы коллективной монографии договариваются о рассмотрении проблемы нефти и концептуализации антропологии нефтяного проклятия сквозь призму модусов доминирования. «Грубое доминирование», «доминирование в чистом виде» (Oil Mode of Domination, OMOD) выбирается редакторами книги (см. вводный очерк Стивена П. Рейны и Андреа П. Берендс “The Crazy Curse and Crude Domination. Towards an Anthropology of Oil”, р. 3–29) подходом для объяснения безумия нефтяного проклятия (Р. 5). По итогам многолетних исследований в разных сферах очевидны два вывода: 1) вокруг нефти всегда ведется борьба, в которую вовлечены самые разные группы-игроки; 2) всегда существует иерархия ущерба от нефтяного проклятия – кто-то страдает больше, кто-то меньше (Р. 19). Проклятие – это результат борьбы за установление, поддержание, воспроизводство доминирования. Это не просто борьба за ренту, это борьба за власть, в которой надо всегда поддерживать демонстрацию силы. Структурный анализ доминирования показывает, что оно представляет собой процесс получения социального капитала группами в результате регулирования места и поведения других групп.

Эта регуляция происходит на объективном и субъективном уровнях. Модусы доминирования – это устойчивые образцы ценностной регуляции, которая по-разному проявляется на разных структурных уровнях. «Грубое доминирование» – это когда ценность, ресурс, стоимость аккумулируются на одном или двух структурных уровнях. Субъекты борьбы за ренту знают правила игры в этих модусах доминирования. Таким образом, «грубое доминирование» – это конституирование и реконституирование нефтяного модуса доминирования, а также конструирование и реконструирование субъектов, регулирующих или сопротивляющихся OMOD (Р. 22–24).

Рейна и Берендс приводят в качестве примера борьбы за доминирование как истинной природы проклятия «веселую» детскую игру, которой американские родители в 1960-х любили занимать детей-гостей на днях рождения своих отпрысков. К потолку подвешивалась картонная коробка в форме игрушечного ослика, наполненная конфетами. Детям раздавались пластиковые дубинки, которыми они по команде «старт» могли лупить этого ослика: когда он сломается и порвется, дети могли собрать вывалившиеся из него конфеты, кому больше достанется. Это была борьба за чистое превосходство, в которой практически не было правил. В результате ни с чем мог остаться и сам именинник, если не проявлял необходимой расторопности и силы. В момент игры ломались все нормы приличия, с детей слетал весь праздничный лоск – они впадали в неистовство, лупя дубинками, в том числе, по попадающим под удар рукам-бокам-головам других участников. Смысл этого примера в

том, что борьба за ресурс может быть разной. По идее, родители именинника могли бы задать определенные правила игры: каждый игрок подходит к ослику по очереди, очередь определяется в результате какого-то дополнительного соревнования, считалки, скажем. Количество конфет в награду также могло бы регулироваться правилами – в зависимости от меткости удара, силы, расстояния и так далее. Так и шкала доминирования в результате борьбы за нефть может быть весьма широкой – от вот такой чистой войны всех против всех без правил до сложноструктурированного регулирования одних групп другими. Соответственно и уровень конфликта-проклятия также разнится – от, фигурально выражаясь, неистового дубасенья по голове всех и каждого до сложных и внешне довольно мирных политических форм подчинения. Соответственно и уровень, и форма сопротивления также могут быть разными. Но в основе все равно лежит нефтяной модус доминирования – «грубая» власть, власть в чистом виде.

В главах рассматриваемой книги эти разные точки на шкале доминирования-сопротивления представляют собой исследования ситуации «нефтяного проклятия» в местах с разным уровнем государственного вмешательства, разным составом игроков в борьбе за нефтяную ренту, разным качеством конфликта вокруг нефти. На одном полюсе находятся африканские нефтяные государства, в отдельных из которых, например в Нигерии, уровень насилия зашкаливает, на другом – как будто бы пример бесконфликтной ситуации вокруг нефти в северных регионах России, при том что в другой ее части – в Чечне – нефть вписана в контекст конфликта, перманентно обостряющегося до военного «сопротивления подчинению».

Серьезно различаются и социальные процессы, в рамках которых вокруг добычи нефти и распределения нефтяной ренты формируются институты на локальном и глобальном уровнях. Джонатан Фридман, автор главы “Oiling the Race to the Bottom” (Р. 30–45), отмечает при этом и общую тенденцию: после разрушения определенного политического и социального порядка (Африка после деколонизации или страны Латинской Америки и Россия после смены политических режимов) осколки этого порядка втягиваются в сети наднационального, глобального уровня, которые активно задействованы в регионах нефтедобычи (Р. 36–38). Стивен П. Рейна в главе “Constituting Domination / Constructing Monsters: Imperialism, Cultural Desire and Anti-Beowulfs in the Chadian Petro-state” (Р. 132–162) употребляет понятие формального и неформального империализма, когда формальные империи в Африке после деколонизации всего лишь уступили место неформальным империям, в которых бывшие колонии в качестве как будто самостоятельных государств на самом деле стали играть роль клиентелл глобальных игроков (Р. 135).

Региональная власть в разных странах по-разному манипулирует поведением как якобы самостоятельных бизнес-элит, так и локальных сообществ. Так, политики Восточной Азии ориентировали элиты своих стран на будущий успех через инкорпорацию их в глобальную экономику, а в Латинской Америке всегда сильным было национальное начало в качестве социального воображаемого (*popular imaginaries*): нефть в коллективных представлениях должна была работать на построение государства, где богатство будет распределено между всеми (Джон Глэдхилл в главе “*The People’s Oil: Nationalism, Globalisation and the Possibility of Another Country in Brazil, Mexico and Venezuela*”, p. 165–189).

Флориан Штаммлер в очерке “*Oil without Conflict? The Anthropology of Industrialisation in Northern Russia*” (Р. 243–269) отмечает, что, благодаря сильной социальной компоненте построения «новой социальной общности – советского народа» и идеологии коллектива, добыча нефти и газа на Севере России была вписана в иной социально-политический контекст: не насильственное извлечение чужих ресурсов, а работа на общее дело. Этот контекст включал самые разные группы – от приезжих «покорителей Севера» до коренных народов – в единую модернизационную повестку. При этом Штаммлер настаивает на том, что в современной России катализатором конфликтов вокруг ресурсов чаще всего выступают международные организации: аборигенные, экологические НКО, иностранные участники нефтедобычи (Р. 263).

Галина Хизриева и Стивен П. Рейна, авторы очерка “*Against... Domination? Oil and War in Chechnya*” (Р. 270–297), характеризуют ситуацию в Чечне как гоббсовскую войну всех против всех, подчеркивают, что «теоретически чеченская нефть могла бы стать источником интеграции для строительства государства, как это произошло в Азербайджане, Башкирии, Татарстане, Туркменистане, но ни одна политическая сила в Чечне не воспользовалась этим. Клиентеллы Чечни, состоявшие из олигархов, нефтяных баронов, боевиков, не интересовались государственным строительством. Они боролись друг с другом за доступ к торговле нефтью. Государство, кем бы оно случайно ни управлялось, было назойливым препятствием для их грабительской активности» (Р. 294).

Отдельный интерес представляет собой изучение и объяснение культурно обусловленных проявлений ресурсного проклятия на локальном уровне. Кайса Экхольм Фридман описывает и объясняет в своем очерке “*Elves and Witches: Oil Kleptocrats and the Destruction of Social Order in Congo-Brazzaville*” (Р. 107–131) актуализацию дискурса колдовства в Конго-Браззавиле. Начиная с 90-х гг. XX в. в антропологии возобладало понимание, что колдовство – это не «традиционный» феномен, относящийся к отсталости деревенской жизни, но способ повседневной жизни и понимания современности. Колдовство в Африке сегодня – это способ опосредованно-

го культурой восприятия сложных экономических и политических условий жизни. В Конго-Бразавиле доступ к ресурсной ренте имеет узкая группа «друзей и родственников», которая тесно связана с зарубежными нефтяными ТНК. Этот союз создает буквально угрозу для жизни простых конголезцев, поскольку делает их существование «необязательным» – в нефтедобыче занято очень ограниченное их число в качестве низкоквалифицированных рабочих, и налоги с незанятого населения оказываются мизерными (Р. 111). В обществе, в котором прежде источниками магической силы и власти, выраженными в концепте колдовства, было старшее поколение, баланс сил и поколений нарушился. Старики оказались бессильны, а молодежь, нанимаемая в качестве «охранников»-боевиков соперничающими группировками и просто сбивающаяся в уличные банды, приобрела особую власть насилия. В результате обедневшие люди возложили ответственность за «колдовство» на собственных детей, одновременно обвиняя их и возлагая надежду на их силу в сопротивлении тотальному угнетению и жестокости. При этом сами «дети-колдуны» (молодые люди) практически гордятся своей «силой» и демонстрируют, что колдовство сильнее политической власти. То есть в ситуации угнетения и насилия, когда войны за нефть привели к обесцениванию власти и авторитета глав семейств и старейшин, бедные вообразили, что они тоже имеют особую власть, чтобы психологически сопротивляться доминированию.

В бассейне Доба (Чад) (глава Стивена Рейны “*Constituting Domination / Constructing Monsters: Imperialism, Cultural Desire and Anti-Beowulfs in the Chadian Petro-state*”, pp. 132–162) население также причисляло местных, работающих на нефтяников, к колдунам, которые, по поверьям, едят людей и причиняют иные страдания. Таким образом, для того чтобы вызвать сопротивление, люди прибегают к культурно укорененным способам стимулирования желания сопротивляться через активацию определенных сюжетов и образов в мировоззрении, которые вызывают эмоцию страха (Р. 155).

Обращает на себя антиглобалистский и антинеолиберальный запал в аргументации авторов книги в пользу локального, культурного и исторического своеобразия нефтяного модуса доминирования, который, к сожалению, заставляет их делать порой как минимум спорные политологические выводы и пророчества. Это я бы отнесла к рассуждениям авторов и об «устойчивой участвующей демократии» (*sustainable participatory democracy*) в Венесуэле при Уго Чавесе, и о необязательности корреляции между свободой и демократией в государстве и мирной добычей минеральных ресурсов (с примером России в качестве таковой необязательности), и о принципиальной невозможности авторитарного правления в Чечне...

Впрочем, спорность, пожалуй, даже слабость этих теоретических выкладок может указывать и на важную характеристику «грубого до-

минирования» — непредсказуемость его социальных, экономических и политических последствий. В этом и проявляется «безумие» как нерациональность, эмоциональность и спонтанность сложно регулируемого конфликта, в котором каждый участник может получить удар дубинкой по голове или толчок в спину в любой момент.

Подытоживая все сказанное авторами книги, Гюнтер Шлее в кратком заключении “Suggestions for the Second Reading: An Alternative Perspective on Contested Resources as an Explanation for Conflict” (Р. 298–302) высказывает ряд сомнений в корреляции между свойством ресурса и социальными отношениями. Шлее считает, что не существует ресурсного конфликта самого по себе. Не это определяет занимание людьми позиций друга или врага по отношению друг к другу. В приписывании стереотипов врага или во включении кого-то в союзники люди большей частью руководствуются соображениями этничности, религии, национальности, языка и так далее. Это не универсальные категории, но активно присутствующие в современном политическом дискурсе на всех уровнях – глобальном, региональном, локальном (Р. 299). Таким образом, если и принять обоснованную инициаторами монографии позицию, что конфликт может определяться физической природой ресурса, за который ведется соперничество и борьба, гораздо более важным и интересным для антрополога является вопрос, как это переводится на рельсы этничности, языка, религии и т.д., как происходит идентификация своего и чужого, участника и конкурента, союзника и врага в конфликте? Как нефть превращается в проблему конфессии или национальности? Не стоит ли сделать акцент на том, что на разном уровне разные игроки ведут несколько войн с разными целями одновременно, используя «ресурсное проклятие» в качестве идеологического зонтика для вражды и насилия? Гюнтер Шлее предлагает эти вопросы в качестве альтернативной перспективы на «нефтяное проклятие» для дальнейших исследований в области антропологии нефти.

Остается добавить, что сегодня книга *Crude Domination* читается с особым чувством, поскольку для современной России на исходе 2014 г. антропология нефти не просто актуальна, а устрашающе актуальна, является квинтэссенцией нашей экзистенции и, очевидно, нуждается в осмыслении.

Е.В. Миськова

Московский государственный университет

Рецензия поступила в редакцию 8.09.2014 г.

Miskova Elena V., Moscow State University (Moscow, Russia)

Review of Behrends Andrea, Reyna Stephen P., and Günther Schlee (eds.) *Crude Domination. An Anthropology of Oil*. Berghahn Books, New York, Oxford, 2011. vii, 325 p. ISBN 978-0-85745-255-9.